

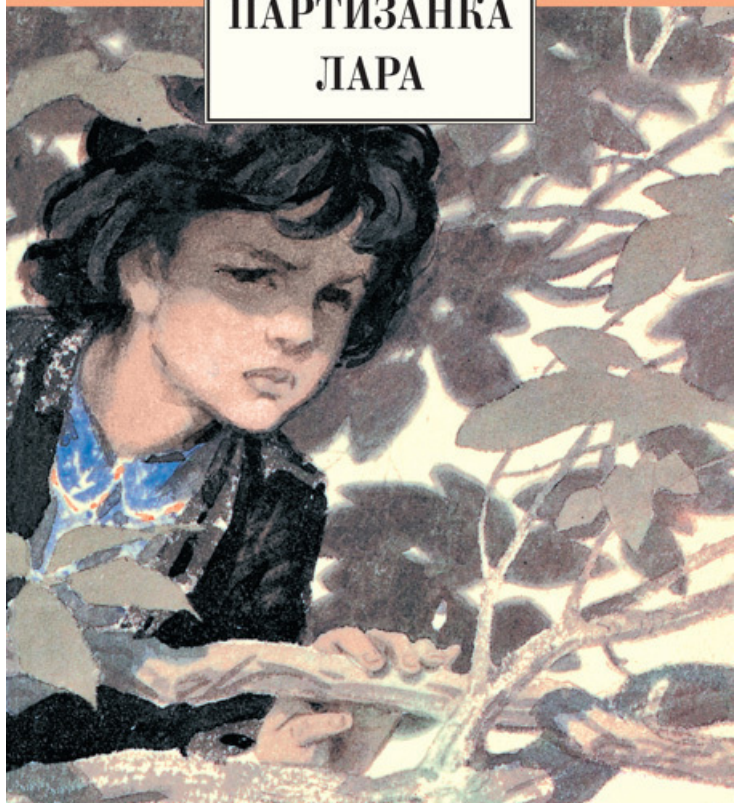
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Надежда Надеждина

ПАРТИЗАНКА

ЛАРА

Надежда Августиновна Надеждина
Партизанка Лара
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7517090

Партизанка Лара [предисл. В. Г. Крейер] : Дет. лит. ; Москва; 2010

ISBN 978-5-08-004577-6

Аннотация

Повесть о героине Великой Отечественной войны юной партизанке Ларе Михеенко.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Об авторе этой книги	7
Как это началось	11
Партизанка Лара	17
ГЛАВА I. Я не оставлю бабушку	20
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Надежда Августиновна
Надеждина
Партизанка Лара
Повесть

H. Kuznetsova

1905-1992

Об авторе этой книги

Надежда Августиновна Надеждина родилась в 1905 году в белорусском городе Могилеве в семье учителя. Детей было пятеро: у Надежды Августиновны были три сестры и брат. В семье царила атмосфера доверия, дружбы, теплоты. В доме была огромная библиотека, все любили читать. Детей учили музыке. Около дома был небольшой сад с огородом, в котором любил работать отец семейства, и дети, особенно Надя, всегда ему помогали. Эти навыки пригодились в годы Гражданской войны, когда от голода спасали только огород, сад и лес.

Именно привязанность к земле, к лесу, к цветам и деревьям и детские впечатления помогли будущей писательнице Надеждиной создать для детей замечательные книги о природе. Одна из ее книг «Каждой былинке брат» начинается такими словами: «В детстве я разговаривала с деревьями, как разговаривают с людьми. Мне хотелось с ними дружить, они были красивые и высокие. По их вершинам еще издали, с улицы, я узнавала наш дом. И они были добрые. Они сбрасывали к моим ногам спелые яблоки, сладкие груши и сливы, до которых я дотянуться не могла. Осенью я попросила у мамы нитки, чтобы покрепче привязать к веткам желтые листья. Я не хотела, чтобы листья падали, мне было скучно без них».

В 15 лет Надежда окончила школу, сдав экстерном экзамены. Она с детства писала стихи и любила литературу, поэтому, переехав в 16 лет в Москву, она поступила в Высший литературно-художественный институт имени Валерия Брюсова, откуда перешла на литературное отделение Московского государственного университета, которое окончила в 1929 году.

Многие годы Н. А. Надеждина работала в детской печати, в журналах «Дружные ребята», «Юный натуралист», во время Великой Отечественной войны – в газете «Пионерская правда». В 1956 году она стала членом Союза советских писателей. Кроме того, в течение всей своей жизни Надежда Августиновна писала стихи, некоторые из которых были опубликованы в сборнике «Среди других имен» (1990).

Всего писательница создала двадцать три книги для детей, которые были переведены на двадцать два языка народов бывшего СССР, России и зарубежных стран. Среди них много книг о детях («Партизанка Лара», «Семь мальчишек», «Я вижу море», «Иринка-Рябинка» и другие), об изобразительном искусстве («Какого цвета снег», «Приглашение в картину», «Да здравствует солнце!», «Моя страна, мой дом»), но гораздо больше книг посвящено природе, жизни растений и животных («Моревизор» уходит в плавание, или Путешествие в глубь океана и пяти морей экипажа загадочного корабля «М-5А», «Полное лукошко», «Где щи, там нас ищи!», «Во саду ли, в огороде...», «Чудеса на грядках»,

«Про матушку тыкву и ее замечательное семейство», «Не уходи, Аук!» и другие).

В помощь известной Красной книге писательница придумала Всесоюзную Красную тетрадку, которая, появившись на страницах журнала «Пионер», объединила ребят для активного участия в охране живой природы.

Надежда Августиновна Надеждина прожила долгую, трудную, но интересную жизнь. Она была знакома и дружила со многими известными в нашей стране писателями и поэтами – М. Светловым, И. Э. Бабелем, Э. Багрицким, О. Бергольц, С. Я. Маршаком, Л. К. Чуковской и многими другими. Ее муж – Николай Дементьев был тонким, талантливым поэтом.

Хочется процитировать строки писательницы Натальи Тумановой, подруги и коллеги Надеждиной по «Пионерской правде», по случаю 80-летия Надежды Августиновны: «Детям посвятила Надежда Августиновна Надеждина всю свою жизнь. И ее любовь к детям – это умная, понимающая любовь. Умная, потому что писательница прежде всего осознает, как серьезно и ответственно то дело, которому она служит. Детская книга приходит к особенному читателю. Этот читатель смотрит на мир ясными, широко открытыми глазами. Этот читатель доверчив, что и определяет меру ответственности, вернее, ее безмерность. Доверие ребенка нельзя обмануть. Для него нельзя писать несерьезно, облегченно, бездумно.

Воспитать и научить, показать, остеречь, приохотить, заразить восхищением, одарить чуткостью... Надеждина хорошо понимает, что ребенок гораздо эмоциональнее взрослого. Кратчайший путь к разуму и сердцу ребенка – сказка, фантазия, выдумка, игра. Только идя этим путем, можно дать ему понимание жизни, только идя по этому пути, можно заложить в его душу основы нравственности.

Мне приходилось разговаривать и с детьми, и с педагогами, и с библиотекарями. В оценке творчества Надежды Надеждиной нет разночтений. Ее книги интересно читать всем. Потому что в них можно найти тысячи ответов на тысячи вопросов. Потому что в сказке, игре, выдумке, содержащихся в ее книгах, зашифровано множество энциклопедических знаний. Мироздание – это тайна, которую разум человечества стремится открыть и познать. Но для ребенка, только еще начинающего жить, все на свете – тайна. И тот, кто помогает завесу тайны приоткрыть, тот, кто с этим миром знакомит, да еще так понятно, так весело и увлекательно, тот истинный друг детства».

Умерла Н. А. Надеждина 14 октября 1992 года, до последнего дня работая над книгой для детей об овощах – «Вокруг света по стране Легумии», а в перерывах для отдыха она читала по памяти роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

В. Г. Крейер

Как это началось

От автора

В библиотеках, в Домах пионеров на встречах с ребятами меня всегда спрашивают: как вы писали свою книгу, как это началось?

Началось с куклы. Через стеклянную дверцу шкафа, стоявшего в пионерской комнате 106-й школы Ленинграда, она в упор смотрела на меня твердыми выпуклыми глазами. Большая кукла в поношенном, но аккуратном платье.

– У вас в дружине играют в куклы?

Кто-то фыркнул, кто-то пожал плечами. Но гостям простительно многое не знать. И мне ответили задушевно и доверительно:

– Так ведь это же Ларина кукла!

Мне показали парту с памятной дощечкой, парту ученицы Ларисы Михеенко, ставшей партизанской разведчицей во

время войны. Передо мной развернули знамя дружины. На алом бархате золотыми буквами сияло девочкино имя.

Ребята вытащили из карманов блокноты – подарок городского штаба красных следопытов редакции «Ленинские искры». Следопыты 106-й школы записали в блокноты все, что им удалось разведать во время похода по местам, где партизанила Лара.

Один из мальчиков, подарив мне на память свой блокнот, сказал:

– Может, допишете? Там осталось еще три чистых листика.

И я пообещала:

– Обязательно допишу.

Дома я долго рассматривала подаренную мне Ларину фотографию. Нежный овал лица, непокорные волосы, упрямый рот и внимательные, думающие глаза. Вот она какая!

Мне захотелось написать о девочке, которую я полюбила по ребячьим рассказам, уже не три листика в блокноте, а целую книгу. Я сама стала следопытом. Начались поиски и дороги.

Дорога в Калинин. Там, в партизанском архиве, в списке безвозвратных потерь 21-й бригады, я нашла запись о Ларе.

Снова дорога в Ленинград. Кто нам ближе всего в детстве? Конечно, мама! А потом первая учительница и школьные друзья. Детство Лары раскрылось мне в рассказах ее матери Татьяны Андреевны Михеенко, ее учительницы Ф. А. Дум-

ченко, ее закадычной подруги Л. А. Теткиной.

Но ведь и далеко от Ленинграда у Лары были подруги – Рая Михеенко, Фрося Кондруненко, с которыми она вместе вступила в партизанский отряд.

Дорога в Вильнюс к Рае, теперь Раисе Кузьминичне Исаковой.

Дорога в Пустошку вместе с матерью Лары, тамошней уроженкой. Я познакомилась с семьей Кондруненко, с учительницей Е. А. Минченковой (в партизанские годы Подрезовой), с Я. В. Васильевым, бывшим секретарем подпольного Пустошкинского райкома КПСС и одновременно комиссаром отряда «Народный мститель», и другими партизанами. Пустошкинский райком КПСС устроил нам поездку по партизанским местам. Помню, как машина остановилась посреди поля. Голос Татьяны Андреевны дрогнул, когда она сказала:

– Здесь раньше было наше Печенево!

От деревни Печенево ничего не осталось, кроме серых камней фундаментов, кое-где торчащих из травы.

Сгорела изба разведчиков в Кривицах. Но уцелел дом, в котором находился штаб 6-й бригады, дом, куда майским утром часовой доставил трех девочек.

И везде – в домах, в школе, под открытым небом на колхозном поле – я записывала рассказы партизан. Рассказывали охотно, но с тех пор, как окончилась война, прошло тринадцать лет, и многое стерлось в памяти. Спорили: Валей

или Олей звали девушку, которая последний раз ходила с Ларой в Игнатово. Мальчика, адъютанта комбрига Рындина, называли по-разному.

Давали мне адреса, но часто эта путеводная нить обрывалась: то человека нет в живых, то адрес устарел за давностью. И надо было снова искать.

Через газету «Пионерская правда» горячо откликнулся бывший командир 21-й Калининской партизанской бригады Георгий Петрович Ахременков. Очень помог мне заместитель командира 6-й Калининской бригады по разведке Павел Константинович Котляров, приехавший из Казахстана по вызову издательства «Детская литература» в Москву.

Поиски продолжались и после того, как вышли первые издания книги «Партизанка Лара». Это было поручение пионерских отрядов имени Лары из семи городов, где мне повязали красный галстук. И вот в одном из таких отрядов, в 581-й школе Москвы, была вывешена молния: «Мишка-адъютант нашелся! Ура!»

Юный партизан Овчинников был адъютантом у двух комбригов. После гибели комбрига Арбузова Овчинников снова вернулся к Рындину. Иностранное имя, которое дали родители Овчинниковы своему сыну, в партизанских бригадах не прижилось. Партизаны звали мальчика чаще Аликом, а иногда и Мишкой; рассказывали мне о нем по-разному.

В книге в лице Мишки-адъютанта история Алика Овчинникова сплелась с историей еще и другого мальчика.

С Красной Армией Алик двинулся на запад добивать фашистов, в одном из боев был ранен, лишился ноги. Сейчас А. В. Овчинников работает в Калининне на заводе. У него семья: жена и две дочки.

Адрес Овчинникова я узнала в Великих Луках у подполковника запаса Петра Васильевича Рындина, бывшего командира 6-й Калининской бригады. Комбриг не забыл своего адъютанта, который однажды спас ему жизнь. Комбриг рассказал мне то, чего я раньше не знала, – о своей первой встрече с Ларой, и в новом издании книги появился новый эпизод.

Жена Рындина, Нина Ивановна Салазко, во время фашистской оккупации была инструктором Калининского подпольного обкома комсомола, проводила комсомольские собрания в тылу врага. На одном из таких собраний Рая, Фрося и Лара вступили в комсомол.

Рындин дал мне еще и другой адрес, и новая дорога привела меня в украинский город Золотоношу, в гости к бывшему партизанскому фельдшеру Марии Ефремовне Калине. В партизанском отряде она и ухаживала за ранеными, и ходила в разведку. Мария Ефремовна была в строю с первого до последнего дня войны, когда ее ранили при штурме Берлина.

Я не жалею о том, что годы ушли на поиски. Я радуюсь, что познакомилась и подружилась с чудесными людьми. Слушая их рассказы, я еще сильнее ощутила величие грозного военного времени, когда любовь к Родине звала на по-

дви́г взрослых и детей.

В память детского сердца, верного и смелого, гордого и нежного, и написана эта книга.

Партизанка Лара
Повесть

ГЛАВА I. Я не оставлю бабушку

Все было кончено: они уезжали. И не к дяде Семену в Лахту, где почти у самого дома милое мелкое море. Нет, мама провожала их в какой-то Пустошкинский район, Калининской области¹, в деревню Печенево.

Когда-то в этой деревне родилась бабушка. На старости лет ей захотелось навестить родные места. И она брала с собой Лару.

– Не пожалеешь, милоч. В деревне летом куда как хорошо!

Но что же хорошего летом в деревне, если ходить в лес

¹ Теперь Псковской области.

одной нельзя – мама не позволяет. Даже спать на сеновале нельзя. Мама сказала, что в сене бывают змеи.

А когда Лара спросила: «Какие именно змеи?» – мама, нахмурясь, ответила:

– Укусят – узнаешь какие.

В этом Печенева с женою и двумя детьми жил другой мамин брат и бабушкин сын – дядя Родион. Надо было бы маму подробней о нем расспросить, но в день отъезда всем всегда некогда.

То мама упаковывала вещи, а в такие минуты на взрослых почему-то нападает глухота; то к Ларе пришла Лида Теткина, с которой они дружили со времен фантиков. Когда Лара впервые самостоятельно перебежала трамвайную линию, Лида бежала рядом. И в школе они сидели рядом, и в волейбольном матче – девчонки против мальчишек – они играли рядом. Вместе собирали на пустыре Ларины любимые одуванчики, вместе решили стать знаменитыми балеринами, вместе перешли в 5-й класс. Лида была самая близкая подруга, Лара не могла с ней не поболтать.

Ну, а потом пришел Коля, тот самый, который хотел выжечь Лариной бабушке глаза. Конечно, хотел!

Бабушка даже выронила вязанье – так ослепил ее солнечный зайчик, пущенный Колей в окно. Тут Лара выскочила во двор и выбила из рук озорника зеркальце:

– Не смей на бабушку пускать! А то...

На солнце сверкнули стеклянные острые брызги. Это раз-

билось зеркальце.

Коля сказал, что с девочкой, которая дерется, он больше не будет дружить.

Но все-таки он пришел. А из-за чего? Из-за коллекции птичьих перьев! Коля всегда что-нибудь собирал. И сейчас сладким-пресладким голосом Коля уговаривал Лару ему помочь:

– Что тебе стоит! Только когда найдешь птичье перо, смотри, чтоб оно было настоящее, дикое. Куриные перья меня не интересуют.

Так вот говорили и говорили про птичьи перья, про всякую чепуху, а про то, что важно, и не пришлось Ларе с мамой поговорить.

Этот разговор начался лишь на вокзале.

Мама стояла на перроне и смотрела на высунувшуюся из окна вагона кудрявую голову. И Лара своими блестящими коричневыми, как спелые каштаны, глазами смотрела на маму. Правый глаз стал заметно косить. Так бывало всегда, когда девочка волновалась.

– Мама! Может быть, дядя Родион не хочет, чтоб мы жили в его доме целое лето?

– Это не его дом, а бабушкин. Я буду посылать вам деньги с получки. Конечно, не так уж много – сколько смогу.

Мама старалась говорить спокойно, но видно было, что и она волнуется.

– Почему ты решила, что он не хочет? Кто это тебе сказал?

– А помнишь, что ты говорила на кухне бабушке и сразу же замолчала, как я вошла?

– Не помню.

– Зато я хорошо помню. Ты, мама, тогда сказала...

Но девочка не успела договорить. Вагон грубо дернуло, и мама, и все, кто был на перроне, начали быстро махать руками, словно боялись, что не успеют помахать сколько нужно, прежде чем поезд уйдет.

Поезд тронулся. Мама укоротилась, стала маленькой, потом стала пятнышком, и вот уже ее не различишь.

А поезд все шел и шел. Насыпь позади него посинела, словно подернулась туманом. Это полз по откосу запутавшийся в траве паровозный дым.

Поезд шел мимо ласточек, черневших на проводах, точно ноты на нотной линейке; мимо поля, по которому прыгала тропинка, то показывая свою голую серую спину, то снова ныряя в траву.

Уже стемнело. Может, потому и качался вагон, что темнота толкала его своим черным боком? А может, вагон раскачивал ветер, рвавшийся к Ларе в окно?

И щекой, которой было щекотно от ветра, и лбом, и плечом девочка чувствовала, что она едет. Едет к незнакомому дяде Родиону, про которого мама на кухне сказала бабушке:

«И в кого он уродился, такой жадный? Не пойму!»

Когда дети остаются одни, они все в доме переворачивают вверх дном; когда мамы остаются дома одни, они занимаются

уборкой.

Ларина мама открыла верхний ящик комода. Сегодня свободный день – воскресенье, можно на досуге починить кое-что из белья.

От стопки чистых, туго накрахмаленных простынь шел свежий, скрипучий холодок. В другой стопке лежала мужская рубашка.

Мама машинально разгладила пальцами помятый воротничок и, тяжело вздохнув, отложила рубашку в сторону.

Нет человека – убили на финской войне, а рубашка осталась.

Надо спрятать ее подальше или кому-нибудь отдать. Не дай бог, Лара увидит. Как она плакала над отцовской похоронкой! В школу пошла зареванная. Но когда Лида спросила: «Почему у тебя глаза мокрые?» – Лара ответила: «Очень жмут туфли». Она боялась, что если скажет правду, то расстроит Лиду. Лиде еще хуже: у нее ни папы, ни мамы.

Лара с отцом были друзьями.

Бывало, они идут по улице утром: дочка-первоклассница – в школу, отец – на завод. Мигает над Ленинградом мелкий бисерный дождик. Мостовая в серебряных пузырьках. Ее камни топырятся, словно рыба чешуя.

Поют в тумане, зовут людей на работу заводские гудки.

– Папа! Это какой завод кричит?

– «Красный выборжец».

– А это кто?

– «Красная заря». У него голос толстый, солидный. У нее – потоньше. Тут, дочка, кругом фабрики и заводы – знаменитая Выборгская сторона.

– Почему знаменитая?

И отец начинает рассказывать, как при царской власти выходили на улицу с красным знаменем рабочие Выборгской стороны. И жандармы стреляли в них.

– Знаешь, дочка, одно время Ленин на Выборгской жил. Конечно, тайно жил, скрывался от шпиков. Его искали.

– И он ходил по нашей улице? Да?

Сбежав на мостовую, девочка часто-часто семенит по мокрым, скользким камням.

– Куда тебя занесло? Недолго и под машину попасть!

– Я хочу постоять на том камушке, на котором Ленин стоял.

... Мама порылась в нижнем ящике комода, вынула оттуда детское платье в горошек. Сколько тогда было Ларе? Четыре годика. Мама работала в Ленинграде, а жили они за городом, в Лахте. Там зимой, в отсутствие отца, это и случилось.

Мама пожаловалась бабушке, что вернется с работы за полночь, встретить ее некому, и она боится идти со станции одна.

На стене висели ходики. Бабушка учила внучку узнавать время. Вечером внучка пристала к бабушке: покажи, где будут стрелки, когда придет мамин поезд? Бабушка показала: обе вместе, вот тут вверху.

Ночью бабушку разбудил мамин отчаянный голос. Мама вернулась, а дочка пропала, девочкина кровать была пуста. Обыскали дом, обошли двор, шарили багром в колодце. Нигде девочки нет. Наконец бабушка вспомнила разговор про стрелки, и мама побежала на станцию, но уже другой дорогой – тропинкой через огороды.

Ветер раскачивал висевший на проволоке фонарь, тени колыхались на снегу. Маме почудилось, что навстречу ей скачет заяц. То покажутся его длинные уши, то пропадут. А это был не заяц, а девочка. Концы бабушкиного платка, который Лара стянула узлом на макушке, торчали в стороны, как заячьи уши. Мама подхватила девочку на руки, и маленькие озябшие пальцы – варежки Лара забыла дома – сразу же полезли за пазуху греться.

– Как тебе не стыдно! Бабушка плачет, я с ума схожу...

– Я хотела встретить тебя, мама! Ты боишься, а я не боюсь!

Вспоминается маме и другой день – летний, солнечно-желтый. По хрустящей дорожке девочка и отец входят в зоосад. Топчется по клетке грустный медвежонок. Четыре шага вперед, четыре назад – вот и вся его жизнь.

Девочка дергает отца за рукав:

– Папа, открой! Давай выпустим медвежонка на волю. Неужели тебе его несколько не жаль?

Она всех жалела – и синиц, которые ходят босиком по снегу, и беспризорных кошек.

Когда переезжали из Лахты в Ленинград, она пыталась провезти в авоське облезлого бездомного кота.

Никто об этом не знал. Уже сели в вагон, и вдруг авоська на коленях у Лары зашевелилась. Сквозь ее переплеты дико глянули светящиеся зеленые глаза.

– Ой! – вскрикнула мама. – Кто там в авоське на меня смотрит? Ой, напугал!

А кот, испугавшись еще больше мамы, выпрыгнул в окно, унося авоську на хвосте. Весь вагон хохотал, кроме мамы и Лары. Одна жалела авоську, другая – кота.

В ту осень девочка впервые пошла в школу.

– Что тебе там понравилось, дочка?

– Переменка. Мы хоть побегали. А то сиди да сиди.

Ей, непоседе, привыкшей в Лахте плавать, лазать по деревьям, бегать по морскому скрипучему песку, скучно было тихо сидеть за партой. И вот началось:

– Не люблю школу. Не люблю буквы. Зачем их надо учить?

– Хочешь, как бабушка, быть неграмотной? Не выучишь букв – ни одной книги не прочтешь.

– Не прочту – так услышу. Скоро будут говорящие книги. А в школу я больше не пойду.

И только тогда перестала упрямыться, когда мама заплакала: смотреть на мамины слезы девочка не могла.

А потом мама писала библиотекарям записки:

«Убедительно Вас прошу моей дочери, ученице 106-

й школы Ларисе Михеенко, книг больше не выдавать. Она записана в три библиотеки. Ей дня мало, стала читать по ночам».

Ну, уж этим летом в деревне ей читать по ночам не придется. Дядя Родион не позволит племяннице жечь керосин. И хорошо, что не позволит. Девочка долго болела, ей надо окрепнуть, тогда она осенью снова пойдет в балетный кружок.

Мама вынула из нижнего ящика балетные туфельки, осторожно потрогала их тупые носы.

И вот уже чудится маме, что, дохнув ей в лицо торжественным холодом, раздвинулся бархатный занавес: на сцене девочка-балерина. Тоненькая, легкая, она кружится в луче света, словно белый мотылек. Слышите, как играет музыка?...

– Татьяна Андреевна, вы слышите?

Мама вздрогнула и очнулась.

– Слышите? – кричала ей с порога соседка. – По радио объявили: на нас напали фашисты. Война!

– Ларочка! – только и могла выговорить мама, роняя балетные туфельки на пол.

А поезд уже далеко-далеко.

И на всех окнах опустились синие шторы, чтобы вечерние огни не выдали Ленинград самолетам врага.

Но стояло лето – время северных белых ночей, когда и без огней виден самолету уснувший город. И белыми ночами

ленинградцев стал будить настойчивый голос диктора:

«Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

Пронзительно выла сирена. Вздрагивали от залпов зенитки, женщины тащили в бомбоубежище плачущих детей.

Бывали такие ночи, что глаз не сомкнешь, – за налетом налет. К утру небо, как кровью, окрашивалось заревом пожаров.

Мама очень боялась бомбежки, но из города не уезжала.

А вот многодетные семьи начали уезжать. Пришел проститься и Коля, тот самый, который собирал птичьи перья.

– Что, Коля, страшно? – тихо спросила мама.

– Кому – мне? Ничуть! Знаете зажигалки? Ну, зажигательные бомбы знаете? Я уже целую коллекцию осколков от них собрал. Хотите, покажу?

– Что-то не хочется.

– Но моя мама ужасная трусиха. Она, правда, не за себя боится: за Вовку и Светку. Из-за этих писклей мы и уезжаем. А вы остаетесь? Да?

– Вот приедут мои, тогда и решим.

Мама поджидала их каждый день. Они должны вернуться, и обязательно вместе. Кому-кому, а маме хорошо известно, что разлучить бабушку с внучкой нельзя.

Однажды военное училище, в столовой которого работала мама, выехало под Лугу, в летние лагеря. Бабушка отправилась, как обычно, в Лахту, а Лару мама взяла с собой.

Место чудесное: сосновый бор, речка, по овражкам заросли дикой малины, луг в ромашковых кружевах...

Но девочка не хочет гулять. Она плохо ест, плохо спит – она скучает.

Только один раз оживились ее глаза.

– Смотри, мама, смотри: старушка идет!

– Что ж, ты разве старух не видела?

– Но это согнутая старушка. Совсем как наша бабушка.

Почему мы не взяли ее с собой?

И на другое утро девочка исчезла, оставив на подушке записку:

«Дорогая мамочка! Не ругай меня, что сбежала. Очень люблю жить, а без бабушки я умру».

Правда, назавтра беглянка вернулась, но уже вместе с бабушкой.

Так будет и сейчас. Как-нибудь они проберутся. Они придут завтра, самое позднее – в четверг.

Но и в четверг никто не приехал. А в пятницу вечером мама нашла в почтовом ящике письмо. Сложенный уголком листок из школьной тетради в клетку. На нем штемпель «Гатчина». Как попало в Гатчину Ларино письмо?

Мама читала его тут же, на лестнице. Тускло светила защитная синяя лампочка, и все вокруг плавало в синем дыму.

«Мамочка, дорогая! – писала Лара круглым девчоночьим почерком. – Очень тебя люблю и скучаю, но дорогу разбомбили. Приехать нельзя. Я бы могла пешком. Но бабушка не

дойдет. А я не оставлю бабушку».

– «Не оставлю бабушку», – шепотом повторила мама. – Я знала, что ты это скажешь. Но как мне жить без вас, девочка моя?

И снова по ночам выла сирена и зенитки целились в небо, полосатое от лучей прожекторов.

Снова невыспавшаяся мама ходила на работу и, возвращаясь домой, заглядывала в синий почтовый ящик. Она, как слепая, ощупывала пальцами его холодные, жесткие стенки: не завалилось ли в угол письмо?

Она все ждала, все надеялась.

Но больше писем от Лары не было.

В своем письме Лара ни слова не написала о дяде. И не случайно. Она не хотела огорчать мать.

Пусть мама не знает, что дядя Родион даже не спросил про здоровье своей сестры, его интересовало только, когда у нее бывает получка.

А как он считал деньги, которые ему передала бабушка! Каждую трешку – уж не фальшивая ли? – он рассматривал на свет.

– Что толку в этих бумажках! – пряча деньги в карман, сказал дядя. – Сейчас на них ничего не купишь. Не знаю прямо, чем вас кормить.

Можно было бы кормить крупой, которую привезли Лара с бабушкой. Но тетя и дядя припрятали эту крупу. И бабуш-

кин сахар в толстеньких синих пачках тоже припрятали.

Дядя сказал, что пить каждый день чай с сахаром – это сущее баловство.

– Уедем отсюда, уедем! – упрашивала бабушку Лара.

– И-и, милок! Обтерпишься. А ехать нельзя. Слыхала, что Санька рассказывал? Как раз под бомбу и угодим.

Этот Санька – один печеневский мальчишка – повадился к ним ходить. Бабушка травами лечила его от золотухи.

Еще в Лахте бабушка собирала, сушила и складывала в мешочки разные травы и корешки. Но тогда Лара думала, что бабушка собирает их для коллекции, как Коля птичьи перья, и, кроме самой бабушки, они никому не нужны.

А вот в Печенево, когда в аптеке не стало лекарств, корешки пригодились.

Оказалось, что бабушка занимается этим с молодых лет и в деревне ее считают чуть ли не колдуньей, которая может вылечить травами любую болезнь.

Так думали и Санькина мать, и сам Санька.

Пока бабушка готовила целебную траву, Санька, сидя на лавке, рассказывал новости. Да все такие страшные: про взрывы, про пожары, про то, как на мирный поезд налетели фашистские самолеты и «ничего от того поезда не осталось – одна кровавая щепка».

Прошло три недели, с тех пор как бабушка с Ларой приехали в Печенево, и Санькины новости становились все хуже, все страшней.

Однажды утром он принес известие, что возле соседнего села Тимонова видели наши отступающие войска.

– Замолчи! – прикрикнула на него Лара. – Вчера наши отступали, а сегодня, может, уже наступают. Мало ли что было вчера!

– Хорошо бы так! Только почему гремело всю ночь?

Лара сама слышала, как ночью гремело. Похоже было, что с запада движется гроза. Но в окошко девочке было видно, что крынка, которую тетя Дарья наткнула на плетень, блестит, словно ее смазали маслом.

В бочке с водой, точно в черном зеркале, отражалась полная луна. Луна была желтая, как мед, и висела над дядиным огородом так низко, что задевала за ветки укропа щекой.

Не бывает грома в ясную ночь. Девочку разбудили далекие залпы пушек. Это не гроза надвигалась – надвигалась беда.

К утру канонада утихла, но на сердце не стало спокойнее. Все словно чего-то ждали. И после полудня уже через само Печенево прошел сильно поредевший батальон.

Ребята высыпали на улицу, и Лара хотела с ними, но бабушка не пустила. Бабушка сказала, что надо поскорее написать в Ленинград письмо и отправить с бойцами. Ведь деревенская почта уже не работает, и, не получая весточки, мать небось извелась.

Лара торопливо царапала по бумаге тупым карандашом.

А за окном слышался грузный топот и усталые, пропылен-

ные голоса:

– Спасибо, дочка! Спасибо, сынок!

Это бойцы благодарили ребят, подававших им крынки с водой.

Кое-как письмо было написано, но батальон уже ушел из деревни. Догнав на околице запоздавшего красноармейца, девочка сунула ему в руку свой листок.

– Отцу, что ли, на фронт? – спросил он, закладывая бумагу за борт пилотки.

– Нет. Моего папу уже убили.

Красноармеец закашлялся, словно ему что-то попало в горло.

– Это письмо маме. Только оно без марки.

– Не тужи. Получит твоя мама письмо. Сиротское письмо и без марки дойдет.

Он хотел уйти, но девочка, осмелев, вцепилась в его рукав. «А как же мы? Что будет с нами?» – с тревогой спрашивали круглые детские глаза.

Боец осторожно высвободил рукав:

– Эх, дочка! Не думай, что по вас душа не болит.

Догнав в поле товарищей, он обернулся. На околице стояла толпа: заплаканные женщины, старик, опершийся на костыль, белоголовые мальчишки, веснушчатые девчонки.

Скорбно глядя на уходивших, они молчаливо просили: «Возьмите и нас с собой».

Один за другим красноармейцы исчезали во ржи. Послед-

ний раз колыхнулась рожь, и колыхнулась толпа от истошного бабьего вопля:

– Голубчики, милые! Да на кого же вы нас покидаете?

Этот вопль вытолкнул Лару из толпы.

Раз наши уходят, и она с ними.

Она не останется здесь.

Сперва перед девочкой мелькали ржаные колосья, потом дорога свернула на луг. Он был вихрастый от лохматых рядов нечисто, по-бабьи скошенной травы. Колхоз запаздывал с сенокосом: рабочих рук не хватало.

Ветер с луга пахнул в лицо Ларе, и шаг ее замедлился. Девочка остановилась. Сладкий запах вянущих трав напомнил ей бабушку.

Что она писала маме всего полчаса назад? Кого обещала беречь?

«Люди добрые, – скажет бабушка, – зачем мне жить, никому не нужной? Не на сына я надеялась, на внучку люби-

мую. И она меня покинула, лапушка моя».

Закусив губы, девочка угрюмо смотрела на большие следы, отпечатавшиеся в дорожной пыли. Потом порывисто нагнулась и погладила их, как что-то живое и дорогое. Это она прощалась.

Она остается. Она не бросит бабушку в беде.

А где-то, как будто уже совсем близко, грянула пушка.

Лара вернулась домой только к вечеру. Опять было тихо, но уже никто не верил этой тишине.

Пастух поторопился пригнать стадо. Деревенская улица запахла коровьей шерстью и парным молоком.

Перед дядиным забором стояла, нагнув рогатую голову, рыжая корова. Она точно бодала закрытую калитку, удивляясь тому, что хозяйка не вышла ее встречать.

– Тетя Дарья! – с порога крикнула девочка. – Корова с поля пришла. Идите доить.

Никто не ответил Ларе. Тетя Дарья сердито обмахивала передником красное, потное лицо. Дядя Родион, заложив руки за спину, стоял у окна.

А в углу, за печкой, слышались жалобные всхлипывания. Это плакала бабушка.

– Что случилось? Кто обидел тебя?

– Выгоняют нас с тобой, лапушка!

– Что? Не выдумывай. Вы просто поругались. И тебе показалось сгоряча.

Девочка подбежала к дяде, хотела заглянуть ему в лицо. Пусть он не ответит, она узнает правду по его глазам. Дядя воровато отвел глаза в сторону.

– Он не смеет! Мы не на его деньги жили – на мамины.

– Кончились наши деньги, и стали мы, лапушка, лишние рты. Вот, говорит, и ступайте. Да куда ж мне с ребенком из своего дома идти?

– А что в этом доме вашего? – криво усмехнулся дядя Родион. – Один сруб. Крышу и пол я на свои деньги стелил.

– И за этот гнилой сруб, – затараторила тетя Дарья, – мы должны последний кусок от своих детей отымать? Съела нас родня. Начисто съела. Ничего в доме нету – хоть шаром покати.

На столе, прикрытые льняным полотенцем, отпотевали три свежих каравая. К корке одного из них пристал уголек, похожий на черный глаз.

Если бы этот черноглазый каравай мог говорить, он бы сказал тете Дарье: не лги! И сахар в синеньких пачках сказал бы: не лги! И каждое зернышко риса...

Лара обняла бабушку за плечи:

– Баб, я тебя умоляю – уйдем отсюда скорей.

Она отвела старушку в летнюю половину избы, где до сих пор они жили.

И снова полетели в чемодан трусы, тапки, бабушкина шаль, зубной порошок...

Дверь за спиной Лары то открывалась, то снова захло-

пывалась. Маленьким Мите и Мане очень нравилось, бегая взад-вперед, доносить отцу:

– Лариска чемодан пакует!

– Бабкину перину скатала!

– Перину пущай! – прогудел издалека дядюшкин голос. –

Перина ихняя. Нашего бы чего не унесли...

Так вот что за личность дядя Родион! Теперь понятно, почему за обедом он всегда сидел хмурый. От жадности. Его злило, что гостей надо кормить.

Но ведь они ели очень мало: бабушка – потому что старенькая, а она, Лара, – потому что готовится в балерины. Балеринам нельзя толстеть.

Больше она не скажет этому человеку ни одного слова. И когда будет уезжать в Ленинград, то руки ему не подаст. Он выгнал бабушку из дома, он поступил со своей родной матерью как предатель. А предателям руки не подают.

– Лариска гитару забрала! – пискнули под дверью.

Лара сняла со стены гитару – подарок матери. По привычке тронула струну. Струна ответила ей, запела. Только голос струны был прежним, вчерашним. А больше ничего не осталось от вчерашнего дня. Был у бабушки сын, был у бабушки дом родной – ни сына, ни дома нет.

– Пошли, бабушка!

– А куда, милоч?

– Куда-нибудь. Сделаем себе шалашик в лесу.

– В лесу, с медведями! Пускай он меня не жалеет – моя

жизнь уже за воротами, но твое сиротство он должен пожалеть. Поклонись дяде, Ларушка, поплачь...

– Он мне больше не дядя. Бабушка, пошли!

Бабушка с Ларой шли по усадьбе под глухой гул голосов:

– Далеко ль собралась, Анастасия Ананьевна?

– Чего спрашивать: Родион выгоняет родню!

– Батюшки светы!.. Перину под деревом кинули, а гитарку несут.

– Идол бесчувственный! Совести у него нет.

Кричали на улице и на усадьбе соседей, где жила жена фронтовика и шестеро детей, тоже Михеенко по фамилии. Может, из-за этой одинаковой фамилии соседские Михеенко и кричали сейчас громче всех. Особенно старшая из шести, долговязая Рая.

– Ух, жадина! – выкрикивала Рая, и пятеро малышей хором подхватывали: «А-а-а!»

Им вторила еще и другая, незнакомая Ларе девочка, низенькая и кругленькая, как колобок.

«А ну еще громче! – мысленно подзадоривала их Лара. – Пусть он услышит, как люди его обзывают... Пусть».

И он услышал и испугался. У калитки Лару с бабушкой догнала запыхавшаяся тетя Дарья.

– Чего людей баламутите? Никто вас не гонит. Вон на усадьбе банька. Родя велел вам сказать: можете там жить.

– Какой добрый! – Лара побледнела от гнева.

Им предлагает жить в баньке, которая топится по-черному – у печки нет трубы.

– Это не дом, это избушка на курьих ножках! Он просто смеется над нами. Баб, не соглашайся, не смей!

– А крыша-то есть, – чуть слышно вздохнула бабушка, – все же крыша над головой...

Бабушка еще больше сторбилась. Губы ее дрожали, дрожала рука, которой она опиралась на Ларино плечо.

Какой там шалашик! Бабушке плохо, хотя бы до баньки ее довести.

Когда они подходили к баньке, завывало, заскрежетало небо. Из-за леса вынырнул один, другой самолет.

– Фашисты! – взвизгнул соседский мальчишка.

Он первый увидел свастику на крыле.

И разом все опустело. Страх расшвырял людей, как ветер расшвыривает сухую листву.

Самолеты промчались над Печеновом не задерживаясь. Для них это была слишком ничтожная цель.

Но деревенские уже боялись выйти на улицу. В полном одиночестве Лара перетаскивала в баньку брошенные под деревом вещи. Ей никто не помогал. Понятно: чужие. Покричали, покричали и ушли. Если родные не пожалели, чего же ждать от чужих.

Смеркалось. От пруда сильнее потянуло болотной сыростью. Зло, по-ночному стали кусаться комары. Роса на траве блестела, как битое стекло.

Постелили на лавке перину, и бабушка легла. Лара сказала, что еще посидит на крылечке, подумает.

– Кто ж ночью думает? Комары заедят. Уж лучше бы утром.

Но девочка уселась на крылечке.

Там, в дядином доме, она изо всех сил крепилась, но сейчас ей неудержимо хотелось реветь.

Одна. Бабушка не в счет. О бабушке надо самой заботиться. Одна. Голодная, нищая, обиженная. Одна в чужой деревне. Без мамы, без друзей... В такое трудное время.

Вожатая говорила, что в трудную минуту пионер должен брать пример с мужественных советских людей. И, глотая слезы, Лара стала перебирать в памяти женщин-героев. Она очень уважает смелых летчиц Гризодубову и Осипенко, но штурман Марина Раскова² ей как-то ближе. Может, потому, что на фотографии, напечатанной в газете, у Расковой тоже были темные глаза.

Решено: она выбирает Раскову. Теперь надо представить ее себе как можно яснее. Не в славе, с Золотой звездой Героя, а в трудную минуту, в беде.

Вот Раскова в лесу. Самолет потерпел аварию, и его экипаж – три молодые женщины – очутился в дремучей тайге.

Есть им нечего. Даже воды нет. Раскова ищет лесные яго-

² Летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и штурман Марина Раскова в 1938 году на самолете «Родина» совершили самый дальний для женщин беспосадочный перелет. Им первым из женщин было присвоено звание Героя Советского Союза.

ды. Ее одежда изорвана в клочья. Ей приходится спать на голой земле.

Но она не сдаётся. Раскова верит, что помощь придет.

Надо верить. И она, Лара, хочет верить, она будет верить. Она согласна спать на земле и питаться лесными ягодами, но пусть у нее будет подруга. У Расковой их было две – Полина и Валентина, а Ларе хотя бы одну.

Загремела железная цепь. Дружок вылез из будки, посушил ногами, понюхал темноту.

На усадьбе был кто-то чужой. Чужой, но не враг, потому что собака приветливо махала хвостом.

За кустом сирени притаились два светлых пятнышка. Они шептались:

– Скажи лучше ты! Ну, Рая...

– Не дури мне голову. Ты принесла, ты и говори.

Одно пятнышко отделилось от куста и стало приближаться к крыльцу. Теперь Ларе хорошо были видны белые волосы и круглые щеки девочки-колобка.

– Это тебе, – пролепетала девочка, – небось вы вечером ничего не кушали. Только гляди не пролей.

В руках у Лары очутилась еще чуть теплая крынка с парным молоком, а девочка, освободившись от ноши, хотела снова нырнуть в тень.

– Постой! Ты куда? – испугалась Лара.

Может, это к ней пришла та самая подруга, которой ей

так не хватало? И она уходит! Надо что-то придумать, чтобы остановить ее.

– Это просто невежливо!

– Чего-чего? – оторопела девочка.

– С моей стороны невежливо. Ведь я еще спасибо тебе не сказала. Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Ну, Фрося...

Девочка застенчиво поглаживала пяткой скрипучую, росную траву.

– А фамилия как?

– Кондруненко. Мы на том краю деревни живем. Когда отца взяли в армию, мы с Пустошки сюда переехали и корову с собой привели.

– Спасибо, Фрося.

– Ничего, не стоит. Насчет молока не сомневайся: хорошее. Ой, да ты плачешь!

– От такой родни заревешь! – откликнулось другое светлое пятнышко. Это Рая подошла к крыльцу.

– Лариса, веришь, я тоже хотела, да наши ребята все молоко выпили. Но ты не думай, что я за тебя не переживаю. Я даже очень переживаю. Хочешь, мы часок с тобой посидим?

И три девочки уселись рядышком на тесном крыльце.

... Надо было спать, и Лара старалась уснуть. Она, как учила мама, лежала на правом боку, закрыв глаза. Но то ли в баньке сны вообще не водились, то ли они попрятались по углам, Лара никак не могла заснуть – все думала о своих но-

вых подругах.

Фрося такая добрая! Они даже не были знакомы, а она все равно молоко принесла...

А Рая такая умная! Еще бы, на два года старше. Может уже вступить в комсомол. Рая говорит, что завтра они с бабушкой должны идти в сельсовет. Лучше всего вместе с тимоновским учителем Николаем Максимовичем Синицыным. С ним считаются, он очень уважаемый человек.

Это посоветовала Рая, подруга. Подруга – как хорошо! Надо будет завтра рассказать Рае и Фросе про Марину Раскову и ее верных подруг. Может, Фрося захочет взять себе в пример Полину Осипенко, а Рая – Гризодубову. Или наоборот, как они захотят.

Завтра она их об этом спросит. Или нет. Она просто им скажет: «Рая, Фрося! Давайте дружить на всю жизнь...»

Бабушка зашевелилась в своем углу, и Лара сразу же подняла голову.

Странно! Среди ночи вдруг рассвело.

На окне был стакан, из которого бабушка пила воду. Теперь у него стало желтое стекло.

А небо за окном было совсем оранжевое, как будто горячее.

Из кустов сирени выпорхнула птица. Ее разбудил свет. Птица промчалась по оранжевому небу, словно черная стрела, словно крохотный самолет.

И Лара подумала, что именно в ту сторону, где сейчас по-

лыхает зарево, летели немецкие самолеты.

К рассвету зарево стало тускнеть, и усталая девочка уснула.

Проснулась она поздно. Бабушкина постель была пуста.

Бабушка встала уже давно. Она раздобыла хворосту, проковыряла в траве ямку для костра, поставила на таганок чайник.

Он был курносый, чумазый и горластый. Когда вода закипала, он начинал громко свистеть.

А сама бабушка, сидя под деревом, крошила в свою большую кружку какие-то корешки. Значит, собралась лечиться. Утренняя, вся в солнечных дырках тень дерева лежала на плечах у бабушки, словно кружевной черный платок.

– Опять корешки будешь пить! – сказала Лара, присаживаясь на корточки к огню. – Ну что ж, полечись, а потом мы пойдем в Тимоново. Ты, случайно, не знаешь, где мой пионерский галстук? Вчера вечером он лежал на окне.

Бабушка как-то странно посмотрела на Лару:

– Может, и лежал. Зачем он тебе? Сейчас не время его носить.

– Как раз самое время. Без пионерского галстука даже неудобно идти в сельсовет. А мы туда сегодня идем. Вместе с тобой, баб. Там за нас обязательно заступятся.

– Теперь уж никто за нас не заступится, – глухо сказала бабушка. – Некому заступиться. В деревне немцы.

Не может этого быть!

Лара бежала по улице под хриплый лай собак.

Бабушка плохо видит. Не разглядела бабушка. В Печене-
ве опять красноармейцы, а вовсе не немцы. Не может этого
быть!..

Лара завернула за угол, но тут, загораживая путь, перед ней выросла мужская фигура – солдат с автоматом в руках. И девочка замерла. Это был не наш солдат. Это был немец.

Фашист.

До сих пор Лара видела фашистов только на карикатурах и считала, что каждый из них чудище, урод. А у этого солдата было, пожалуй, даже красивое лицо. И все же смотреть на него было гадко и страшно. Потому что он чужой.

Все у него было чужое. И пуговица на куцей шинели чужая. И злые, холодные глаза. И голос, когда он выкрикнул чужое, непонятное слово:

– Цурюк!³

Должно быть, это значило: «нельзя». Но ведь она здесь живет. Она всегда ходила по этой улице. Почему же она теперь не может пройти?

– Цурюк! – пригрозил немец, вскидывая автомат.

Значит, если она ослушается, этот фашист ее убьет.

Значит, теперь ничего нельзя.

Нельзя свободно ходить по деревне. Нельзя запеть советскую песню. Нельзя жить, как привыкла. Нельзя.

Теперь, что бы она ни делала, куда бы она ни пошла, на пути встанет солдат в куцей шинели и будет «цурюкать» на нее своим каркающим голосом. Теперь он здесь командует. Он – враг.

Куда от него убежать, куда кинуться?...

Девочка растерянно огляделась. Только сейчас она заметила, что чуть поодаль, на противоположной стороне улицы, толпится народ. Там были Фрося и Рая. И боком-боком – а

³ Назад! (нем.)

вдруг и сюда нельзя, вдруг немец выстрелит! – Лара перешла улицу и приткнулась к ним.

Все смотрели на остановившуюся возле колодца немецкую машину. Ее окружили солдаты в куцых шинелях. Но посреди круга перед немецким офицером понуро стоял человек в пиджаке.

Лара узнала его сразу: это был дядя Родион.

И сразу же девочка забыла, что дядя выгнал ее из дома.

Какие могут быть счеты, какие обиды, если человек у фашистов в плену!

– Забрали! – взвизгнула Лара. – Моего дядю забрали!..

Она хотела рвануться на помощь, но Раины пальцы вцепились в ее плечо.

– Куда! Кого пожалела, кого выручать собралась? Да он немцам, гадюка, продан. Он теперь староста у нас.

– Думает на колхозном добре разжиться! – откликнулся из толпы чей-то молодой гневный голос.

А другой голос, постарше, добавил:

– Чего хорошего ждать от человека, который выгнал из дома родную мать...

Дядя Родион вытянул шею, прислушиваясь.

Обернулся и немецкий офицер. Он заметил выступившую из толпы большеглазую кудрявую девочку.

Ее каштановые волосы отливали на солнце рыжинкой. Будто искорки вспыхивали на завитках.

– Карош! – показывая переводчику на Лару, сказал офи-

цер. – Карош!.. Ком гер, медхен!⁴

Но девочка уже исчезла в толпе. Подружки втолкнули ее в калитку. И, прыгая, как коза по чужим огородам, Лара помчалась домой.

Она была такая бледная, что бабушка ахнула:

– Милок! Да на тебе лица нет...

– Бабушка, это правда: в деревне немцы. Я их сама видела.

И он с ними – дядя Родион.

– Все знаю. – Бабушка заморгала и отвернулась к костру.

– А самый главный немец на меня пальцем тыкал. Он говорил: «Карош, карош...»

⁴ Подойди сюда, девочка! (нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.